

ДУХОВНАЯ ПРОЗА РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ

Стаття присвячена особливостям духовної прози російської еміграції. Доводиться, що до духовної прози належать твори різних жанрів письменників різноманітних естетичних уподобань. Але спрямованість їхньої творчості на утвердження духовних засад життя російської людини, намагання протиставити хаосу дійсності насамперед християнський ідеал виокремлює прозу такого типу на тлі літератури російського Зарубіжжя.

Ключові слова: *духовна проза, література російського Зарубіжжя, теорія «єдиного потоку», християнський ідеал.*

Статья посвящена особенностям духовной прозы русской эмиграции. Доказывается, что к духовной прозе относятся произведения разных типов писателей различных эстетических предпочтений. Но направленность их творчества на утверждение духовных основ жизни русского человека, стремление противопоставить хаосу действительности прежде всего христианский идеал выделяет прозу такого типа на фоне литературы русского Зарубежья.

Ключевые слова: *духовная проза, литература русского Зарубежья, теория «единого потока», христианский идеал.*

The article examines the properties of the spiritual prose of the Russian emigration. It is proven that spiritual prose comprises works of different genres, by authors with varying aesthetical preferences. But the strive of their works to establish the spiritual foundations of a Russian person's life, the attempt to counteract the chaos of reality with a primarily Christian ideal highlights the prose of that kind against the background of the Russian émigré literature.

Keywords: *spiritual prose, Russian émigré literature, "single flow" theory, Christian ideal.*

Литература русского Зарубежья сегодня активно изучается. В научный оборот вводятся неизвестные произведения писателей русской эмиграции, публикуются исследования, в которых литература той поры осмысливается в вместе с литературой, создававшейся в большевистской России. Как писал Г. Струве, «эта зарубежная русская литература есть временно отведенный в сторону поток общерусской литературы, который – придет время – вольется в общее русло этой литературы. И воды этого отдельного, текущего за рубежами России потока, пожалуй, больше будут содействовать обогащению этого общего русла, чем воды внутривосточные. Много ли может советская литература противопоставить "Жизни Арсеньева" Бунина, зарубежному творчеству Ремизова, лучшим вещам Шмелева, историко-философским романам Алданова, поэзии Ходасевича и Цветаевой, да и многих из молодых поэтов, и оригинальнейшим романам Набокова? Эту наше теорию "единого потока" мы смело можем противопоставить советской, которая там к тому же не в чести» [5: 22]. Среди многочисленных произведений, вернувшихся к своим чи-

© Аметова Э.К., 2011

таталям, важнейшее место занимает духовная проза. Цель данной статьи состоит в том, чтобы показать два типа русской духовной прозы, сложившейся в творчестве Д. Мережковского и Б. Зайцева. Понятие «духовная проза» довольно широкое. Оно используется при анализе позднего творчества Н. Гоголя, Л. Толстого, а также писателей, ставивших и решавших религиозные вопросы. Думается, главным признаком прозы такого типа в литературе эмиграции является, прежде всего, попытка осмыслить духовные основы, позволяющие русским пережить испытания эмиграции.

Н.В. Лау в статье «"Лики святости" и "маски бесовства" в прозе русской эмиграции (И. Шмелев, Б. Зайцев, И. Бунин)» называл эту попытку стремлением осмыслить, прежде всего, «русский вопрос»: «Литературные деятели различных направлений и в разных жанровых вариациях, – пишет автор статьи, – обращались к исследованию причин катастрофы русской души, по-новому осмысляя образ русского человека. <...> Как и для многих современников-эмигрантов, для И. Шмелева, И. Бунина, Б. Зайцева начало 1920-х гг. стало временем осмысления "русской катастрофы". В прозе первых лет эмиграции заявлена тема антихристианской природы идей устройства "земного рая". В рассказах и повестях усугубилось максималистское, контрастное разделение людей на носителей света и тьмы» [3]. Разумеется, в творчестве писателей разных поколений это осмысление носило особый характер. Так, один из основателей русского символизма, писатель и мыслитель Д.С. Мережковский приехал в эмиграцию уже со сформировавшейся исторической концепцией, потому его борьба за духовное освобождение России была обусловлена своеобразными представлениями о религии Третьего Завета.

Произведения писателя той поры сложно отнести к прозе духовной, настолько необычными по форме и, главное, по содержанию они были. Но, вероятно, именно их направленность на преобразование жизни русского человека, борьба с его безбожием, разочарованием, апатией, а также стремление обнаружить в истории человечества скрытые указания на будущую церковь Третьего Завета и дают основания говорить о его религиозно-философских эссе как о духовной прозе. Так, в предисловии к эссе «Тайна Запада: Атлантида – Европа» он писал: «Если бы меня спросили, что для современного, среднего, "цивилизованного" человека наиболее дико, чуждо, непонятно, неместимо, я бы ответил: "Конец". Мы, можно сказать, на свет рождаемся с аксиомой *благой бесконечности*: всякая бесконечность лучше конца; всякая величина с коэффициентом бесконечности становится абсолютно-положительной. Кое-что о "дурной бесконечности" мы знаем, но так смутно, что это нам ни к чему не служит. Хуже всего, что в этой "врожденной аксиоме" происходит, то ли по общей слабости человеческого ума, то ли по особому дурному вкусу, свойственному европейской цивилизации последних трех-четырех веков, смешение "бесконечного" с огромным. Внешне-огромное может быть внутренне-пустым, ничтожным, – это мы тоже знаем, но так отвлеченно, что и это нам не служит ни к чему» [4: 28]. Апокалипсические предчувствия писателя подвигали его к критике действительности. Как справедливо говорит О.В. Пчелина, он писал «о возможности религиозного преобразования жизни как пути достижения подлинного бытия и предлагает оригинальный проект будущего общества, основанный на приоритете духовной культуры, отрицающий любые насильственные методы преобразования общества и способный вывести мир из цивилизационного кризиса» [6]. Потому «идеалом будущего "Божественного общества",

Царства Духа, Д.С. Мережковский провозглашал Святую Плоть, символизирующую органическое единство духовного и материального начал личности, культуры и общества в целом. Рассматривая путь религиозного преображения как путь спасения человечества, понимая всю тяжесть ответственности, которая при этом возлагается на Россию, Д.С. Мережковский верил в ее ведущую роль во всемирном соединении» и «был убежден, что вся жизнь в Третьем Завете станет общинной, социальное неравенство, главное зло века, будет устранено, частная собственность – упразднена» [6]. Однако духовные поиски писателя оказывались малопонятными его современникам, не раз разочарованно говоривших о далеких от современности темах, которым были посвящены его произведения, а также об отвлеченных интеллектуальных построениях, ничего не дававших истерзанной душе русского писателя в изгнании.

Совершенно иной тип духовной прозы представляли собой произведения Б.К. Зайцева. Писатель в эмиграции много писал и, как полагал Г. Струве, «в эмиграции он как писатель вырос и развился, причем на некоторые изменения в его творческом пути прямое влияние имел факт эмиграции. Прежде всего это та общая религиозная, христианская окрашенность, которую в зарубежный период приобретает все творчество Зайцева» [5: 178 – 179]. Несмотря на это, думается, именно такие его книги, как «Афон» (1928) и «Валаам» (1936), посвященные православному паломничеству к святым местам, житие Преподобного Сергия Радонежского, а также «Алексей Божий человек» и «Сердце Авраамия», статьи о Патриархе Тихоне, об отцах церкви, о Сергиевом Подворье, о церковной жизни русской эмиграции могут в полной мере быть отнесены к духовной прозе.

В эмиграции религиозная тематика в творчестве писателя углублялась. Одним из примеров этого может быть его роман «Золотой узор» (1925). В нем центральной стала мысль о всепобеждающей силе христианской любви, о возможности человека сопротивляться злу и вынести посланные ему испытания. Совершенно очевидной представляется нам попытка писателя создать в этом произведении как бы «житие» своей героини. Как справедливо замечает Т.Ф. Прокопов, «это искренняя, без фальши, откровенная исповедь много повидавшей и много перестрадавшей русской женщины. Рассказывая нам о своей жизни, Наташа словно бы заново переживает ее. <...> Не переиначивать свою судьбу раскаянием и самосудом, потому что дважды нам не пройти одним и тем же путем, однажды содеянного не выправить, не перекрасить. Жизнь у каждого со своими узорами, и каждому она дорога именно такую, какой послал нам ее Господь Бог» [7: 5].

Интерес к религиозной тематике проявился в еще большей степени в книге «Преподобный Сергий Радонежский» (1924). Она печаталась главами в парижской газете «Последние новости», уже в 1925 г. вышла в свет отдельным изданием. Положив в основу книги житие святого, написанное в 1417 – 1418 гг. Епифанием Премудрым, Б. Зайцев осмыслил его жизнь как символ России. «Русский святой XIV в. привлекает его своей скромностью подвижничества, кротостью, аскетизмом, трудолюбием, смирением. Когда монахи вдруг начали роптать, Сергий не стал их обличать. Он ушел от них и основа скит в диких местах. <...> Огромен нравственный авторитет святого Сергия, благословившего князя Дмитрия московского на битву с монголо-татарской ордой» [1]. Как пишет Л.Н. Бараева, «в духовной биографии Б. Зайцева <...> преподобный Сергий – образ-символ возрастания на пути от земного к горнему миру. Не случайно в своей итоговой

“книге жизни” – автобиографической тетралогии “Путешествие Глеба” – Б. Зайцев осуществит развернутое хроникально-летописное повествование о собственном духовном становлении, о росте своего “древа веры из зерна горчичного” по аналогии с древней библейской притчей. У истоков этого роста, несомненно, стоял преподобный Сергий» [1]. Б. Зайцев видел жизнь Сергия Радонежского как жизнь реальной исторической личности в широком контексте, причем повествование содержит отчетливые аллюзии на современную писателю действительность.

С другой стороны, он использовал форму литературной агиографии, что дало ему возможность создать все же не биографию, а именно житие, в котором прославляется духовный подвиг святого. Как справедливо замечает Л.Н. Бараева, «в развернутом описании жития-bios <...> Б. Зайцев следует за Епифанием, соблюдая все основополагающие элементы житийного канона: описание обстоятельств рождения святого в семье благочестивых родителей, проявления святости в детском возрасте, отказа от мирской жизни и начала подвижнического пути, борьбы с искушениями, аскетических подвигов, прижизненных чудес, смерти, посмертных чудес и обретения мощей. Заключено жизнеописание хвалебным словом святому. Регламент канонической структуры жития не стеснил авторской индивидуальности писателя, напротив, помог ему наиболее полно самовыразиться. Для Б. Зайцева важны были не столько специфически литературные признаки, сколько возможность выразить личную оценку самого типа подвижничества Сергия, избранного им в сложившихся биографических обстоятельствах способа и пути спасения» [1]. Нельзя не отметить, что писатель идеализирует святого, поскольку подходит к историческим источникам с особой задачей: он абсолютизирует наиболее важные, по его мнению, качества личности Сергия Радонежского, который привлекает писателя как личность, «постепенно и органично накапливающая качественные изменения на пути к святости. Реальная судьба подвергнута идеализирующему выравниванию» [1].

Разумеется, в этой книге писателя проявилась особенность, свойственная литературе русского зарубежья в целом: он сопоставлял, сравнивал жизнь Сергия с жизнью современного ему поколения. Повествователь становится своего рода посредником между Сергием Радонежским и читателем, и в лирических отступлениях, которые Л.Н. Бараева называет «утверждением-призывом», обращается к проблеме покаяния, очищения от грехов [1], таких важных во времена кардинальных, существенных общественных перемен. «Фигура русского святого предстает в таком контексте как пример духовного самостояния и сопротивления разрушающей силе обстоятельств. Именно так Б. Зайцев вносит свой “голос” в реконструкцию для современников и потомков живого облика преподобного. Жизненный путь Сергия получает еще одно самостоятельное, благоговейное и трепетное осмысление под пером жизнеописателя XX века, осуществлявшего по мере сил этот идеал в личной жизни и призывавшего к этому всех нас» [1].

Сам писатель признавался, что для его внутреннего роста, открытия «нового в философии и религии» важным поворотным пунктом также было обращение к личности выдающегося русского мыслителя и философа Вл.С. Соловьева. Он вспоминал: «И случилось, косари на утренней заре шли на покос, а я тушил лампу над “Чтениями о Богочеловечестве”. Соловьев первый пробивал пантеистическое одеяние моей юности и давал толчок к вере» [2: 588]. В юности его тревожила близость родового имени к

Оптиной пустыни и Сарову, где совершал свой духовный подвиг преподобный Серафим Саровский. Однако юноша долгое время «оставался вполне равнодушен к ним. <...> И только в эмиграции, навсегда лишенный возможности поклониться этим святым местам, Зайцев постигает их великое духоносное значение» [1]. Духовная проза писателя оказывала огромное воздействие на читателя. Б. Зайцев предлагал ему примеры для опоры в сложных испытаниях, давал возможность приобщиться к русским святыням и не терять надежду. Именно религиозная окрашенность беллетристики, а также проза, посвященная православным святыням и русским святым существенно отличает его духовную прозу от произведений Д. Мережковского.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бараева Л.Н. Житие преподобного Сергия Радонежского в духовной биографии Б. Зайцева: Матер. конф. «Русская культура на пороге третьего тысячелетия: Христианство и культура» (Вологда – Белозерск, 7 – 9 июля 2000 г.) / Л.Н. Бараева. – Вологда: «Легия», 2001. – 300 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа к статье: http://palomnic.org/bibl_lit/obzoz/zaitsev/2/.
2. Зайцев Б.К. Собрание соч.: В 5 т. / Б.К. Зайцев [Сост. и авт. прим. Т.Ф. Прокопов]. Т. 4. – М.: Русская книга, 1999. – 624 с.
3. Лау Н.В. Лики святости и маски бесовства в прозе русской эмиграции (И. Шмелев, Б. Зайцев, И. Бунин) / Н.В. Лау. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://194.226.213.129/text/лау_115_226_230.pdf.
4. Мережковский Д.С. Тайна Запада: Атлантида – Европа / Д.С. Мережковский [Подг. Текста, вст. ст. и прим. Е. Андрущенко]. – М.: Эксмо, 2007. – 672 с.
5. Струве Г. Русская литература в изгнании. Опыт исторического обзора зарубежной литературы / Глеб Струве. [Изд. 3, испр. и доп]. Краткий биографический словарь русского Зарубежья / Р.И. Вильданова, В.Б. Кудрявцев, К.Ю. Лаппо-Данилевский. [Вст. ст. К.Ю. Лаппо-Данилевский]. – Париж – Москва: YMCA-Press – Русский путь, 1996. – 448 с.
6. Пчелина О.В. Цивилизация и духовная культура в философии Д.С. Мережковского: автореф. диссертации на соискание научн. ст. кандидата филологических наук: спец.: 10.01.01 «Русская литература» / О.В. Пчелина. – М., 2003. – 18 с.
7. Прокопов Т.Ф. Книга-исповедь / Т.Ф. Прокопов // Борис Зайцев. Золотой узор: Роман, повести / Б.К. Зайцев [Вст. ст. Т.Ф. Прокопов]. – СП Интерпринт, 1991. – С. 5 – 11.